

О.Ю. Васильева, П.Н. Кнышевский

Красные конкистадоры

Фрагменты [[20.209](#)]

«Как известно, одним из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции явился лозунг: «Грабь награбленное!»

[А. М. Горький]

Широкий размах торгового предприятия для эмиграции был очевиден. На ее глазах известные ювелирные и антикварные магазины Европы день ото дня наполнились отечественными сокровищами, правда, без указания поставщиков и бывших владельцев, как неким экзотическим колониальным товаром. Тем не менее причастность к поставкам Внешторга легко распознавалась по тщательно подогнанной комплектности изделий и сортировке партий с учетом художественной классификации.

«На страницах «Нового Времени» печатается объявление о том, что анонимное американское общество ассигновало 20 миллионов долларов для скупки в России старинных художественных вещей из золота и серебра, а также картин, бронзы, фарфора и вообще предметов искусства. 20 миллионов долларов — это, кажется, более 75 миллионов рублей; как видите, дело поставлено «по-американски» широко

«Те, кому на протяжении последних нескольких дней разрешалось беспрепятственно бродить по его (Зимнего дворца. — Авт.) комнатам, крали и уносили с собою столовое серебро, часы, постельные принадлежности, зеркала, фарфоровые вазы и камни средней величины».

Неудивительно, что влюбленный в «красный» Октябрь Джон Рид общую сумму расхищенного имущества также «определяет» в 50 тысяч рублей. И далее утверждает, что «около половины пропавших вещей удалось разыскать, причем кое-что было обнаружено в багаже иностранцев, уезжавших из России».

По воспоминаниям военного врача Эскадры воздушных кораблей К. Н. Финне, в начале 1918 года на Западном фронте «пулемет можно было купить за 25 рублей, а батарею с орудиями, зарядными ящиками, лошадьми рублей за 800, не проданное имущество бросалось, и не только немцы, но и поляки и румыны сделали на этом русском имуществе хорошие дела»

Площадей и улиц вместе с переулками, политыми кровью, оказалось маловато для пролетарской выдумки. В ход пошли целые деревни, села и города. Белоцарск — в Кызыл, Князь-Иваново — в Маевку, Екатеринодар — в Краснодар, Царское Село — в Пушкин. Начало, можно сказать, безобидное.

В течение последующих трех месяцев 1919 г. в одном только Лефортовском архиве в Москве было сдано в макулатуру свыше 20 тысяч пудов архивных дел. Как принимали, так и сдавали. Вот этот неполный перечень «макулатуры»:

- именные списки генералов и старших офицеров с 1880 года по 1913 год — 2000 пудов;
- месячные донесения войсковых частей начиная с 1793 года — 4000 пудов;
- дела Комиссариатского и Провиантского департаментов с 1811 года по 1865 год — 2000 пудов;
- формулярные списки офицеров русской армии с 1849 года по 1900 год — 4500 пудов;
- дела русско-турецкой войны 1877—1878 годов — 2500 пудов;
- дела русско-японской войны 1904—1905 годов — 2000 пудов;
- дела по рекрутским наборам с 1828 года по 1865 год — 1500 пудов;
- дела штаба Отдельного корпуса внутренней стражи с 1816 года по 1865 год — 800 пудов;
- дела Отдельного гренадерского корпуса с 1816 года по 1865 год — 400 пудов...

Пролеткульт тем временем не только рушил, но и созидал. Взамен снесенных памятников, как грибы после дождя, росли новые.

Радищева — к Зимнему, Лассалья — к городской Думе, Маркса — к Смольному, Иуду Искарриота — в центр Тамбова, Софью Перовскую — на Московский вокзал, скульптурную доску с магической надписью «Кто не работает, тот не ест» — на фасад здания «Известий»... Увы, гипс не прочен. Разрушились. По новой. Глядишь, опять разрушились.

В начале двадцатых годов стали переводить массовые пластические творения в «вечный» материал путем приспособления и переплавки монументального «сырья». Царскую голову — в голову Маркса, посох — в молот, на великокняжеский пьедестал — безымянного красногвардейца.

Г. Е. Зиновьев, будто собираясь в межпланетный рейс, заявил на 7-й Петроградской конференции партийцев:

«Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить».

Большевики аплодировали.

Психоз головокружительного творчества очень скоро заразил и политический «авангард». Его видные представители за идеей в карман не лезли. Тот же председатель Петросовета Г. Е. Зиновьев, например, решил вознести на вершину

Александрийского столпа посреди бывшей Дворцовой, тогда площади имени Урицкого, статую Ленина вместо ангела-хранителя с крестом. Искусствоведы, кто потрезвее, не выдержали — и к Луначарскому. Нажали. С ума сошли, ангел в редком стиле «ампир» и вроде бы не «политический», да и Ленина в бронзе так просто не поднять. Уронят, разобьют — разве можно? Луначарский письмо в губисполком — остановите Зиновьева. Тот, видимо, задрал еще раз голову кверху. Прикинул. Действительно, высоко, и резюмировал на письме наркома: «Ну их к черту».

В начале двадцатых годов экономические вожжи чуть спустили, то не забыли одновременно с нэпманами обложить подоходно-имущественным налогом и «свободную» творческую интеллигенцию.

10 мая 1923 года отчаявшиеся московские художники выразили письменный протест ВЦИКу по совместному с Совнаркомом постановлению о налогообложении искусства. — Кто вынужденно принял советское верноподданничество, а кто покинул со слезами на глазах Россию, не считая безвременно почивших в родной земле.

Но страшная угроза массовой потери редчайшего антиквариата, художественных и исторических сокровищ для России действительно существовала. Об этом не переставал твердить М. Горький, и коль скоро мы приближаемся к раскрытию его подлинного гражданского облика, приведем с незначительными сокращениями размышления писателя в «Новой жизни» за 23 мая 1918 года:

«Человек, недавно приехавший из-за границы, рассказывает: «В Стокгольме открыто до шестидесяти антикварных магазинов, торгующих картинами, фарфором, бронзой, серебром, коврами и вообще предметами искусств, вывезенными из России. В Христиании таких магазинов я насчитал двенадцать, их очень много в Гетеборге и других городах Швеции, Норвегии, Дании. На некоторых магазинах надписи: «Антикварные и художественные вещи из России», «Русские древности». В газетах часто встречаются объявления: «Предлагают ковры и другие вещи из русских императорских дворцов».

В первый период советовластия — с февраля 1919 года — украинские национализаторы успели «пощипать» соборные ризницы и «омузейть» выдающееся частное художественное собрание Б. И. и В. Н. Ханенко.

«В 1918 году единственный расход 124 835 000 рублей на платеж по Брестскому договору». Чуть позже сумму уточнили — 124 835 549 рублей 50 копеек золотом. Других сведений о платеже в отчете нет.

На этом можно было бы поставить точку. Но вот сообщение со ссылкой на официальный источник берлинской газеты русской эмиграции «Накануне» от 11 июня 1922 года:

«Сенатор Боден Виллен обратился к министру финансов (Франции. — Авт.) с письменным запросом относительно 400 миллионов рублей золотом, которые русскими были уплачены Германии на основании Брест-Литовского договора. Сенатор желает знать, что случилось с этой суммой. Находится ли эта сумма все еще

в банке Франции? Не было ли допустимым употребить эту сумму на уплату части процентов, следуемых французским держателям русских займов?»

По части вопросов сенатора мы не можем дать никаких комментариев. Что касается указанной суммы, то она, вероятно, завышена.

А может быть, и здесь какие-то тайны. Однако в самом факте нахождения российского золота во французском банке и в источнике его поступления вряд ли сенатор мог ошибиться. Значит, побежденная Германия согласно Версальскому мирному договору оплачивала репарации Франции золотом из Советской России. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы. Увы, к России это не относится.

Согласно отчетным данным выплата платежей «на мировую» прочно входила в практику советского правительства. Из золотого запаса в 1920 году по мирным договорам будет выплачено 22 миллиона рублей, из них 15 миллионов — Эстонии, 4 миллиона — Латвии, 3 миллиона — Литве. В том же году без расшифровки расхода Наркомат иностранных дел проглотит 6 052 000 золотых рублей. В 1921 году по мирному договору с Польшей заплатят 5 010 900 рублей золотом. И это не все... Не здесь ли разгадка успеха советской дипломатии на заре ее юности?

После выплаты контрибуции Германии, включая утрату в Казани, золотой фонд Советской власти сократился более чем на две трети от первоначального состояния. Правительство зашатало.

Все его попытки стабилизировать внутреннее финансовое положение терпели крах. Замысел Совнаркома на проведение в 1918 году денежной реформы с учетом «классовых» различий (Ленин предлагал произвести обмен старых денег на новые следующим образом: первые 10 тысяч рублей обменивались бы полностью, последующие 10 тысяч — на 5 тысяч рублей и т. д.) захлебнулся. В 1919 году, не прекращая эмиссии, Совнарком трижды принимался за выпуск собственных расчетных знаков и кредитных билетов. Нули на них прибавлялись, а проку не было. Репутация ленинок в народе была не выше керенок: «Чего на эти ленинки купишь? Тыща тоже называется! Куча...» — следует непечатное слово».

В места, более отдаленные от российских центров, «ленинки» и «керенки» доходили с трудом. Из-за отсутствия денежных знаков и перебоев с их доставкой местные отделения Госбанка наладили выпуск суррогатов: бонов, чеков и временных обязательств под залог победы в «мировой революции». Это для народа, а советской власти был нужен «твердый» капитал, и немалый... С ноября 1917 года по декабрь 1920 года советская власть пустила в народ купюры на общую номинальную сумму в 2338,3 миллиарда рублей. Как и следовало ожидать, эмиссия обесцененных денег вконец подорвала денежные отношения в Республике.

К весне 1918 года всякие товарные отношения в Республике были, по сути, ликвидированы. Но странное дело, в системе центральных органов Советской власти здравствовал и процветал Наркомат торговли и промышленности. Что касается промышленности, здесь все ясно — функции по ее управлению перешли к высшему Совнархозу еще в декабре 1917 года. Но откуда торговля? Оказывается, от власти.

22 апреля 1918 года Совнарком ввел монополию на внешнюю торговлю и бразды правления ею передал Наркомторгу.

Что могла тогда экспортировать Советская Россия? Разве что выборочно промышленное сырье и кое-что из технических сельхозпродуктов — остальное съедалось. Но то и другое требовало заготовительных средств и времени. Вот тут-то и дал о себе знать провидческий «дар» государственно-партийного руководства.

В первую очередь в статьи экспорта вписали собранные и сконцентрированные по укромным углам, но отвергнутые «народом» по «идеологическим» соображениям бывшее дворцовое имущество, художественно-исторические ценности и предметы «барской» роскоши. Их сбыт особого труда не составлял, благо заграничного коммерческого «воронья» в пределах России было достаточно.

До февраля 1918 года отпуском «товара» за границу ведали отдельные и особо доверенные Совнаркому лица, затем к работе подключили специально созданную Комиссию по внешней торговле при высшем Совнархозе, в апреле в права вступил Наркомторг.

Однако со сводкой Экспертной комиссии следует ознакомиться более подробно, в частности, с упоминаемыми в ней приходными счетами. Таковых оказалось семнадцать.

Первый — счет картин и живописных произведений. Включая полотна известных старых итальянских, голландских, фламандских и французских мастеров, в том числе несколько произведений Брейгеля-старшего и Корреджо, а также ценную живопись современных иностранных художников. Разумеется, значительное место в «амбарной» книге занимали высокохудожественные холсты русской школы, от раннего до последнего периодов. Всего в местах добычи было отобрано и доставлено на склад 990 картин, рисунков, акварелей и миниатюр на общую сумму, подсчитанную комиссиящиками, в 11 038 493 рубля.

Второй — счет эстампов. Здесь «экспертам» и «тройкам» явно не повезло. Из 542 отобранных ценнейших гравюр, литографий, фототипий и других произведений графики большая часть имела механические повреждения и потертости, но тем не менее приходный счет был оценен в 598 350 рублей.

Третий — счет керамических изделий. Как следует из сводки, создание керамического экспортного фонда комиссия поставила себе в особую заслугу, так как почти все доставленные на склад 4830 изделий были вырваны из рук учреждений Наркомата социального обеспечения. Что же предназначалось для выдачи в повседневное пользование приютов, лазаретов, коммун и прочих заведений?

В описях значатся именные, парадные и памятные фарфоровые сервизы и высокохудожественные поделки бывших императорских заводов и частных заводов Попова, Гарднера, Миклашевского и Батенина — гордость национальной художественной промышленности, заветная мечта коллекционеров и музейщиков. В тех же описях многочисленны изделия из фарфора и фаянса Мейсенской, Венской и Севрской фабрик, Берлинской Королевской мануфактуры и Веджвуда... Для детского приюта предназначалось и случайно обнаруженное на одном из складов Наркомсобеса уникальное собрание итальянской майолики XIV — XV веков, похоже,

из коллекции М. П. Боткина, так как другого, равного ему по древности и представительности изделий, в Петрограде не было. Общая сумма счета — 3 029 755 рублей.

Четвертый — счёт мебели. Обстановка из красного дерева, карельской березы и из всякой диковинной всячины эпохи Возрождения, времен Петра I и Елизаветы, в стиле ампир и барокко, а также мебель начала века, но весьма ценная, с украшениями художественной бронзой, затейливой резьбой и инкрустацией. Всего 332 предмета стоимостью в 3 234 750 рублей.

Пятый — счет хрусталя и стекла. Сам по себе сравнительно небольшой — 528 предметов, но поражает изысканностью подбора. Большинство изделий выпестовано на бывшем Императорском заводе, на знаменитых и известных миру заводах Бахметьева, Мальцова и Орлова. Искрящиеся грани, изящные рисунки золотом, разноцветной эмалью, выполненные чернью орнаменты. Игра солнца, цвета и блеска. В русской традиции и на «аглицкий манер». Изделия, когда-то признанные российской мануфактур-коллегией «наилутши против иностранных». Здесь же другая часть изделий, как сказано в сводке, «из новых предметов роскоши, отличного гранения и значительной стоимости, частью оправленные в серебро и другие металлы и могущие представить собой значительный интерес с валютной точки зрения». Общая сумма — 564 260 рублей.

Шестой — счет бронзы, меди и металлических изделий. Обилие напольных и настольных часов в бронзе, в том числе французских мастеров XVI и XVII веков, множество бюстов иконографической и бытовой ценности, осветительных приборов из золоченой бронзы в стиле ампир и времен Екатерины II, несколько бронзовых предметов работы старых итальянских мастеров, барельефы и художественные медали... Всего 1 387 предметов на сумму 3 906 235 рублей.

Седьмой — счет ювелирных изделий. Золотые и серебряные украшения, ордена, знаки отличия, медали и монеты из драгоценных металлов, ювелирные изделия с камнями и различная бытовая мелочь. Всего 5 730 единиц общей стоимостью 5 605 103 рубля. Ювелирные изделия комиссия поделила на две категории: «вещи старинные и имеющие художественное значение» и «вещи обыденные». Изделия первой категории тщательно «просеяли». Наиболее крупные и особо драгоценные вещи поместили в «особый сейф» Экспертной комиссии в отделении Народного банка. Вещи второй категории были без промедления переданы на «общем основании» в государственный фонд Народного банка, то есть на переплавку

Восьмой — счет кружев и тканей. Тут «эксперты» определенно дали маху. Вначале было как-то не с руки копать в женском белье и одеяниях, а когда прозрели, то отпуск старинных и художественных кружев и вычурных тканей в швейные мастерские и артели по ордерам Петрокоммуны шёл полным ходом. Успели перехватить только 440 изделий. Правда, среди них оказались ценнейшие кружева французских, итальянских, бельгийских, ирландских и русских умельцев, уникальные вышивки, старинные платья, парча и искусные шали. Стоимость изделий определили в 664 930 рублей.

Девятый — счет оружия и воинских доспехов. Средневековые образцы холодного и огнестрельного оружия в исполнении западноевропейских мастеров. Доспехи и личное оружие всех времен русской армии — свидетели боевой славы воинства и

признания таланта российских оружейников. Всего 383 образца при стоимости в 1 083 285 рублей.

Десятый — счет книг и рукописей. Здесь дано следующее дословное пояснение: «В заслугу комиссии надлежит поставить также отбор на складах и в других местах рукописей и архивов, на которые совершенно не обращалось внимания и которые выбрасывались как совершенно ненужная макулатура. В настоящее время вся работа по отборке книг передана в ведение Наркомпроса, и в распоряжении Экспертной Комиссии остались только книги и архивы, принятые на учет в первый период ее работы». Счет не оценен.

Одиннадцатый — счет изделий из камня. Обилием не выделяется, так как большинство предметов громоздкие. Статуи, барельефы, напольные и каминные вазы, мраморные часы. Радуга русских самоцветов. Почти все 60 изделий производства мастеров бывшей Императорской гранильной фабрики. Стоимость — 888 125 рублей.

Двенадцатый — счет археологических древностей. 217 древних предметов из египетских и греческих раскопок на сумму 25 000 рублей. Из-за незначительной материальной стоимости все «находки» переданы в Эрмитаж.

Тринадцатый — счет икон. Всего 135 образов. Из сводки: «Имеются старинные экземпляры в окладах из драгоценных металлов и камней, представляющих значительную материальную стоимость». Общая сумма — 1 951 015 рублей.

Четырнадцатый — счет разных вещей. Резная кость — моржовая, мамонтовая, слоновая. Резьба по дереву и художественные предметы домашней утвари. 265 изделий стоимостью 431 530 рублей.

Пятнадцатый — счет Восточного отдела. Из пояснения в сводке:

«В этот счет отнесены изделия из Китая, Японии и Персии. Количество предметов по этому счету представляется довольно значительным, и вещи представляют интерес не только в этнографическом смысле, но также в археологическом и художественном. Имеется много старинного фарфора, бронзы, резьбы по камню, старинной эмали и проч. Значительное число предметов имеет музейное значение, другие же высокую валютную стоимость».

Всего 437 предметов на сумму 2 630 060 рублей.

Далее в сводке по характеристике «счетов» сделано следующее отступление:

«Кроме перечисленных номенклатур товаров, на складе-выставке имеется коллекция почтовых марок (бывш. Фаберже). По поверхностному осмотру представителей Музея Комиссариата Почт и Телеграфа, коллекция представляет собою большой музейный интерес и валютную ценность. В настоящее время производится количественный подсчет представителями вышеуказанного музея».

Причисляя коллекцию почтовых марок Фаберже к отдельному «счету», следует счет семнадцатый — эротические коллекции. Наполненные юмором и тонким сексуальным смыслом поделки с откровенными изображениями, узоры из переплетений обнаженных фигур всех времен и народов, «хулиганские» акварели по мотивам тайной и страстной любви в исполнении известных отечественных и зарубежных художников — яркие антиподы сегодняшним примитивным образцам «эротической культуры». 116 образцов, оцененных в 55 050 рублей.

Но на этом означенный документ не заканчивается. Ниже следуют еще два «счета», имеющие статусы «отделов», как видно, из-за своей значимости и размеров фонда с прицелом на перспективу.

Итак, отдел ковров. Процитируем сводку:

«В задачу Комиссии входит отбор со складов, квартир и из национализированных магазинов главным образом восточных ковров, имеющих высокую валютную стоимость, охранение их от порчи молью и образование специального государственного фонда ковров как предметов экспорта. В общем в отдел ковров уже доставлено около 2300 штук и приблизительно такое же количество лежит на складах, в квартирах и проч. готовыми к отправке. Задержка происходит от недостатка транспорта. Огромное большинство ковров представляет собой экземпляры хорошего или среднего качества, на которые может иметься большой спрос за границей, в общем весьма значительной материальной стоимости»

Отдел сейфов. Тоже цитата из документа:

«В Особой Комиссии Горфинотдела по разбору сейфов через особо откомандированного в Особую комиссию члена Комиссии производится выборка предметов антикварных, художественных, имеющих историко-бытовое значение и материальную стоимость на заграничном рынке. Всего до настоящего времени выбрано 1154 предмета, классификация которых видна из прилагаемых при сем 24 описей, причем, согласно инструкции Особой Комиссии, оценка вещей на месте не производится».

Добавим, в «Особое депо хранения Экспертной Комиссии» при городском финотделе Петрограда сдали 28 ящиков с изделиями из драгоценных металлов, как сказано в сводке, «ценных по работе» и 4 ящика с подобными изделиями, но «ценными как материал», которые через те же руки были пущены в доход наркомовской казны.

Всего по семнадцати счетам, исключая фонды ковров и сейфов, в сводке представлено свыше 16 392 художественно-исторических предметов, оцененных комиссией в 35 705 941 рубль... «Если указанную выше стоимость вещей перевести приблизительно на теперешнюю стоимость, то таковая по приблизительной переоценке составит не менее 300 000 000 рублей плюс несколько сот миллионов рублей, в которые приблизительно оцениваются ковры»

* * *

23 сентября 1920 года английская газета «Матин» сообщила о захвате парохода с грузом льна, шедшего из Петрограда в Стокгольм. В то время англичане всё ещё продолжали практиковать подобные санкции экономической блокады Советской России. В перехваченном судне при досмотре обнаружили тюки с большевистской литературой и невероятное количество драгоценных произведений искусства из золота, платины и серебра, судя по маркировке упаковки и сопроводительным документам, адресованных в американскую миссию в Стокгольме для последующей отправки в музеи Соединенных Штатов. По оценке английских экспертов, сокровища

имели музейное и церковное происхождение. Предполагалось, что часть предметов из Эрмитажа и Патриаршей ризницы.

Большевики не смутились. В таких случаях, если считалось нужным, давались «опровержения», объяснявшие нападки «классового врага» злобной и изощренной клеветой на советскую действительность. Одновременно обильно печатались сообщения о процветании музейного дела в Республике. Для большей убедительности в непричастности правительства к темным махинациям могла появиться и газетная информация о происках «контрреволюционных элементов» в общегосударственном деле охраны памятников искусства и старины.

В инструкциях Гохрану отпускать изделия, кроме камней, предписывалось не по весу, а по ценности в стоимостном выражении и поштучно, что и писалось в нарядах Наркомфина. Причем ценность странным образом указывалась в совзнаках и никоим образом не соответствовала действительной, а оплата заказа при его получении допускалась в кредит.

При таком раскладе обвинить оценщиков можно было в чем угодно.

А кто мог «взять» больше — уличенные в краже оценщик Морозов, инспектор Рабкрина Белов или председатель Верховного ревтрибунала Н. В. Крыленко — утверждать сложно.

К слову, о клиентах Гохрана. За время с начала операционной деятельности (24 февраля 1920 года) по 15 июня 1921 года из правительственного фонда было отпущено ценностей на общую условную сумму 805 643 473 рубля 36 копеек по кредитному курсу, в том числе:

Наркомвнешторгу — на 622 236 000 рублей, ЦК РКП (б) — на 157 027 500 рублей, высшему Совнархозу — на 3 329 415 рублей, Реввоенсовету Республики — на 4 000 000 рублей и прочим ведомствам — на 19 050 558 рублей 36 копеек.

В натуральных показателях это выглядит итак:

- бриллианты — 96.873.88 каратов;
- жемчуг — 65.104.05 каратов;
- изумруды, рубины, сапфиры — 7.213.50 каратов;
- изделия из золота — 213 штук;
- часы золотые — 516 штук;
- часы серебряные — 913 штук...

Похоже, прав был Юровский — Гохран в самом деле потрошила «организованная группа».

Арифметически начало деятельности Мехэкспортбюро выглядело так: каракулевые шкуры — 210 000 штук, беличий хвост — 540 пудов, беличьи шкурки — 1 016 000 штук, шкурки белого песка — 7690 штук, лисицы чернобурой — 500 штук, лисицы красной и светлой — 20 200 штук, горноста́я — 67 000 штук, зайчина белая — 1 500 000 штук, шкурки русака — 240 000 штук, белого хоря — 50 000 штук. Здесь и медведь, и россомаха, волк и рысь, куница и колонок, соболь и выдра. Налетай, не скупись

По воле Божьей в центральных районах России 1921 год удался на урожай картофеля. Дали голодным? Нет. Дали Глав спирту. 7 октября на межведомственном совещании в Москве ему установили годовой экспортный план по Внешторгу — 1 миллион ведер питьевого спирта.

Четыре года бились большевики за упрочение власти посредством валютно-финансовых операций. И что же?

К концу 1921-го – началу 1922 года на нужды революции было выброшено 812 232 600 рублей золотом. Часть расходов, начиная с 1918 года, мы называли. Сюда же следует приплюсовать выплаты 1920 года Коминтерну в сумме 2 053 000 рублей золотом.

Это особая статья расхода Советского правительства, ибо она гарантировала успех всей «заграничной работы» ЦК РКП (б), в том числе военно-политической разведки и диверсий, партийной пропаганды и тайной торговли российскими сокровищами. В 1921 году Оргбюро ЦК включило в смету коминтерновских расходов годовую финансовую «помощь» центральным комитетам компартий Латвии — 20 миллионов рублей и Финляндии — 25 миллионов рублей...

Пальму первенства в потреблении валюты и золотого запаса держал все-таки Внешторг — 251 159 000 рублей в 1920 году и 285 476 800 рублей в 1921 году.

По сметам и через руки внешторговцев шло большинство расходов различных народных комиссариатов и ведомств... А теперь о самом Внешторге. Несмотря на дутые цифры его планов и безумные усилия по их реализации, жаловаться Красину на отсутствие золотишка из правительственного запаса для наркомовских нужд все-таки не стоило. В 1921 году ассигнования в золотых рублях Внешторгу составили: на содержание заграничных торговых представительств — 1 963 913, на образование государственного экспортного фонда — 10 000 000, на товарообменный фонд — 23 000 000 и на «выполнение импортного плана» — 29 957 000 рублей. При этом Внешторг из собственного кармана выделил 5 миллионов золотых рублей для экспортно-импортной работы в Закавказских республиках, 3 миллиона золотых рублей для валютных и торговых операций Дальневосточной Республике и почти 8 миллионов золотых рублей дал в «долг» Исполкому Коминтерна...

Отдельной строкой экспорта шли «предметы роскоши» — старинные и ручной работы ковры. Этого товара было продано в Англию 237 штук на общую сумму 660 фунтов стерлингов и 17 шиллингов...

А что же вернули внешторговцы в государственную казну?

В первую очередь выручку от продажи бриллиантов и других драгоценных камней. Общая сумма составила 7 005 540 золотых рублей. Конечно, могло и должно быть больше, если бы не нагрели скупщики и часть выручки не ушла бы на неведомый Внешторгу политический «десерт» отцам революции. Вторую статью дохода представляли поступления от реализации экспортного фонда. Но они даже не покрывали годовые затраты на его создание — 9 017 495 рублей золотом.

На подпитку углем «международного» петроградского морского порта ушло 638 000 рублей золотом, а на обеспечение жизнедеятельности железных дорог Петроградского сектора — на тот же уголь и дрова — еще 1 миллион 700 тысяч золотых рублей. За 200 паровозных котлов шведу Амстронгу заплатили 5 миллионов золотом, а вот на перевозку грузов АРА и Красного Креста в помощь голодающим дали только 125 тысяч «твердых» рублей.

Голодный 1921 год памятен и другими «славными» начинаниями Советской власти.

Что касается до расходов серебром, то за прежнее (с октября 1917 года) время и даже за первую половину 1921 года они не поддаются сколько-нибудь точному и систематическому учету; имеются в материалах указания на крупную высылку в Баку Орджоникидзе (1 880 000 персидских туманов) и на ряд высылки Сибвнешторгу.

Назовем еще некоторых потребителей золота. Покажется несколько странным, но в течение трех лет среди них не значился Наркомвоен. В чем же секрет мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии? Неужели в одной только силе духа? Конечно, нет. Просто все материальные нужды Вооруженных Сил Республики обеспечивались «закупками» на обесцененные «совзнаки», принудительной повинностью и мобилизацией, натуральными налогами и такими же расчетами с оборонным производством, денежными поборами, безвозмездными конфискациями и реквизициями, «займами» и устрашающими политическими лозунгами. То есть победа в гражданской войне, кроме моря крови, досталась Советскому правительству бесплатным обманом и безнаказанным грабежом «многократно уже ограбленного населения». А вот в 1921 году власти пришлось потратиться золотом: 1 миллион рублей ушел на содержание войск 5-й и Дальневосточной армий, а 10 миллионов — на «особые нужды» Наркомвоена...

Еще большей скромностью запросов отличалась ВЧК. На организацию «Северного предприятия» — трудового концлагеря в Архангельской губернии — чекисты израсходовали только 8 тысяч и 50 тысяч золотых рублей — на подобные «особые надобности». Остальное — «собственными» силами и силой оружия...

Заметим, не в пример Дзержинскому, некоторые помельче рангом чиновники ЧК водили с внешторговцами более тесную, но скрытую дружбу. В чем она проявлялась, можно судить по июльским 1921 года событиям в Новороссийске. Со слов Г. Толубаева, секретаря местного отделения Внешторга, его руководство и многие сотрудники бесстыдно занимались продажей золотой валюты, спекуляцией в крупных размерах и злоупотребляли служебным положением с целью личной наживы, о чем им было сообщено в Новороссийскую ЧК. Вскоре самого Толубаева арестовали и доставили туда же. Как выяснилось, чекисты оказались «заинтересованными лицами» и вволю лакомились у торговцев. Толубаеву в подвалах ЧК «посоветовали» держать язык за зубами и выпустили, одарив двумя импортными костюмами. Однако он отважился донести о фактах коррупции в Ростов-на-Дону полпреду ВЧК. Тот сопроводил копию письма в Чрезкомэкспорт. После получения бумаг адресатом они так и сохранили первоизданную чистоту. Выносить сор из избы не захотели и сообщение «приняли к сведению»

За 1921 год на пролетарскую бесхозяйственность и усиление ветра мировой революции было выброшено около 404,5 миллиона рублей золотом. С учетом расходов на те же цели в предыдущие годы и учитывая все поступления, включая «колчаковское» золото, к началу 1922 года в правительственной казне осталось денежных ценностей на общую сумму 251 414 792 рубля 96 копеек золотом, в том числе самого золота на 217 923 634 рубля 95 копеек, серебра — на 22 386 314 рублей, платины — на 10 418 943 рубля 77 копеек, банкнотов иностранной валюты в переводе на золотые рубли — 685 900 рублей 24 копейки. Сюда же входил и остаток румынского золота на сумму 87 074 501 рубль и 5 копеек. Около 30 миллионов большевики израсходовали.

Однако и эти цифры имели условное значение. Из Отчета по золотому фонду:

«Следует отметить, что значительная часть фонда (85 295 214 руб. 32 коп.) состоит из слитков, лома, изделий, т. е. значительной частью своей не может быть пущена непосредственно в оборот; таким образом, ввиду сильного исчерпания запасов монеты необходимо скорейшее приведение слитков и лома в состояние, вполне пригодное для их реализации на западном рынке. Далее следует указать, что в числе серебряной монеты показано (в одной трети стоимости номинала) 8 925 063 руб. разменного, т. е. лигатурного, серебра — мелкой серебряной монеты, которая, несомненно, не может быть обращена на закупки на Западе; следовательно, ее, быть может, правильнее рассматривать скорее как запас серебра для очистки и перечеканки. Если стать на эту точку зрения, то количество собственно монеты, годной для реализации (золота и банковского серебра), сократится кругло до 156 000 000 рублей»

Но и это не все. Когда от последней суммы комиссия СТО по золотому фонду отминусовала сумму задолженности по невыполненным платежам, то в Отчете появилась еще одна запись:

«...Свободная наличность в золоте и иностранной валюте выражается суммой 135 231 957 рублей. Что касается до свободного остатка серебра, то он, как указано выше, может быть принят в сумме 17 636 314 рублей. Следует, однако, иметь в виду, что серебро едва ли может иметь сбыт на основном нашем западном рынке, вследствие чего правильнее при соображении о наших ресурсах исходить из указанной выше суммы в 135 231 957 рублей».

* * *

Впереди был очередной финансовый год. К его началу уже довольно четко прорисовывалось дотолемое «громადье» плана ГОЭЛ РО и тотальной индустриализации. Наркомфин был в смятении. К тому же подбросил головолмку Наркомат по военным делам. Для укрепления боевой мощи Республики и подготовки к будущему «мировому пожару» он запросил на предстоящий год 298 794 035 рублей золотом, что почти вдвое перекрывало всю наличность правительственной казны. А тут еще и голод.

Зимой 1922 года по Советской России голодало уже более 23 миллионов человек. Голод в народе нарекли Великим. Его жертвы превзойдут общие людские потери в гражданской войне почти вдвое. Мор унесет около 6 миллионов человеческих жизней...

Из госинфсводки от 14 марта 1922 года ещё раз по Самарской губернии:

«На почве голода в Пугачевском уезде произошло несколько самоубийств. В селе Самаровском зарегистрировано 57 случаев голодной смерти. В Богоруслановском уезде зарегистрировано несколько случаев людоедства. В Самаре за отчетный период заболело тифом 719 человек...»

Из госинфсводки от 15 марта 1922 года по Тюменской губернии:

«В Ишимском уезде из 500 000 жителей голодает 265 тысяч. Голод усиливается. В благополучных по урожайности волостях голодает 30% населения. Случаи голодной смерти учащаются. На границе Ишимского и Петропавловского уездов развивается эпидемия азиатской холеры. На севере свирепствует оспа и оленин тиф...»

Но верно говорят, сытый голодного не разумеет, а на сколько не разумеет, можно судить по тому, что все эти сообщения в информационных сводках шли не первым, не вторым и даже не пятым, **а восьмым (!) пунктом...**

А в Кремле ломали головы над тем, как в разрухе и бедствии укрепить шаткие столпы власти, как придать «уникальному» явлению голода классовое содержание и как взобраться на его костях к очередной победной вершине революции. Начали по традиции с агитационного творчества. Пустили по пролетарским клубам и ревкультовским драмсараям лубочные диапозитивы — те, что были куплены за границей на 6000 золотых рублей в счет Помгола — не пропадать же добру зря — и ударили в газетах крепким словом «партийной правды» по «мироедам» — «кулакам» и «черносотенному поповству». Опять же на импортной бумаге.

Святейший Тихон не изворачивался, ссылаясь на Апостольское правило, и не лгал. Сбор средств в помощь голодающим по патриаршим призывам шел своим чередом с лета 1921 года. Скорбно и безропотно сносили в храмы все, имеющее хоть малейшую ценность, конечно, стоимостную, ведь дорогой для дающей души была каждая «мелочь»: лампадки, цепочки, крестики, медальоны, ювелирные вещицы. От Бога, от матери, от деда...

Худо-бедно к февралю 1922 года собрали тихоновцы более 8 миллионов 926 тысяч рублей, не считая ювелирных изделий, золотых монет и натуральной помощи голодающим. Возможно, мало, но как можно было посягать на большее, на благолепное церковное имущество, если по декрету Совнаркома от 20 января 1918 года оно являлось «собственностью государства»? Да и в голове не укладывалось, как можно всенародными святынями торговать. Это первое.

И второе. Всероссийский церковный комитет помощи голодающим с августа по декабрь 1921 года существовал «незаконно». Все это время патриарх хлопотал и унижался перед Советской властью, вымаливая у нее утверждение «Положения о Церковном Комитете» и официальное разрешение «для повсеместного сбора пожертвований и открытия действий». В Кремле разводили руками. Рады бы пойти навстречу, да партийная совесть не позволяет.

Рапорт Базилевича от 13 марта 1922 года:

«Совершенно секретно.

Председателю РВС Республики т. Троцкому.

Доношу, что по сведениям Наркомфина о состоянии золотого фонда на 13/III имеется в Республике свободной наличности 177 760 439 рублей 60 копеек. Включая сюда и наличность Гохрана до1/II.

Кроме того, в Гохране имеется еще ценностей, не входящих в сводку Наркомфина, на сумму 13 136 600 рублей. Итого точно учтенных и представляющих свободную наличность Республики имеется на 13/III 190 897 039 рублей 60 копеек...

В данный момент разгружается эшелон Н. Новгородских ценностей на сумму около 5 000 000 рублей.

Ценности Оружейной Палаты, после целого ряда самых жестоких споров, с принятыми поправками... выливаются в сумме минимум 197 ½ миллиона, максимум 373 1/2 миллиона рублей, если не будет сюрпризов «без описей» в оставшихся неразобранными еще 1367 ящиках»

Но самые драматические события разыгрались в стольных городах. В Москве по воле Троцкого операцией руководила «секретная ударная комиссия» под председательством Т. В. Сапронова²⁰⁹ и с участием И.С. Уншлихта, Р.С. Землячки и М.В. Галкина. Подготавливались уполномоченные, отряды НКВД, в церковные приходы внедрялись агенты О ГПУ, чекисты усиленно собирали «контрреволюционные» сведения о духовенстве и локализовали связи внутри епископата...

Пока эхо «страшного суда» катилось по стране, московские реквизиторы вели подсчёт добычи. Итоги радовали.

Из столичных храмов было вывезено более 2 пудов золота и 3 тысяч пудов серебра в изделиях, 3658 бриллиантов и алмазов, 1178 рубинов, 1387 изумрудов, 902 прочих драгоценных камня и еще тех же на вес — 1 пуд и 72 золотника. Отдельной описью шли ювелирные изделия: 6 золотых украшений с бриллиантами и алмазными розами, серебряная корона с 50 бриллиантами и две гранатовые короны, 4 серебряных венчика с окладов икон, украшенных бриллиантами и сапфирами, 8 венчиков, отделанных старинным жемчугом, 10 звезд с алмазными розами и бриллиантами, 2 стихиря в золотых чеканных окладах с расписной эмалью и драгоценными камнями, свыше 2 пудов высокохудожественной бронзы, 83 жемчужные ризы с икон, крупная алмазная ветка, 40 жемчужных украшений, опоясанных бриллиантами, и большое количество церковной утвари и одежды с дорогостоящей отделкой.

В 385 храмах Московской губернии собрали около полутора тысяч пудов церковной серебряной утвари и окладов с икон, 21 фунт золотых украшений и 7 548 штук драгоценных камней.

Не меньший, а может быть, и больший доход ожидали большевики от богатых петроградских храмов.

В назначенный день ударила «красная сотня». Судя по архивным документам, особым усердием выделялся в среде реквизиторов товарищ А. М. Мичурин — заведующий

церковным столом 1-го городского района. Без церемоний «мичуринцы» враз опустошили несколько церквей. Особенно «повезло» в храме Иоанна Предтечи: кроме 20 с лишним пудов серебра, удалось наковырять из окладов икон и украшений без малого полсотни бриллиантов и несколько изумрудов.

Опьяненные успехом районные гвардейцы колесили на грузовиках Военной автоброневой школы по церквам и подворьям с утренней зари до глубокой ночи. Весовщики финотдела скрупулезно взвешивали доставленное: церковь Волкова кладбища — 15 пудов 6 фунтов 59 золотников серебра, Знаменская церковь — 33 пуда 38 фунтов 79 золотников, Княже-Владимирский собор — 28 пудов 5 фунтов 39 золотников...

Петроградским «конкистадорам» не терпелось поскорее представить победный рапорт Чрезвычайной комиссии. Газеты же пестрели сообщениями РОСТА:

«На основании телеграфных сообщений местных финотделов, в 45 губерниях на 15 мая изъято по России: золота — 17 пудов 63 золотника, серебра — 9 436 пудов 18 фунтов 35 золотников, прочих металлов — 27 пудов 15 фунтов 16 золотников, бриллиантов — 7 997 шт. весом 39 фунтов и 22 золотника, драгоценных камней — 18 303 шт.

Наибольшие поступления дали: Московская губерния, Украина, Костромская губерния, Сибирь и Ярославская губерния»

Мичурину было чем гордиться. О его походе в Новодевичий монастырь «Петроградская правда» сообщила следующее:

«Изъято всего 30 пудов. Главную ценность представляют две ризы, усыпанные бриллиантами. На одной только иконе оказалось 151 бриллиант, из которых 31 крупных... Кроме того, на ризе были жемчужные нитки и много мелких бриллиантов. На другой иконе оказалось 73 бриллианта... 17 рубинов, 28 изумрудов, 22 жемчуга. Большую ценность также представляют венчики икон, почти сплошь усыпанные камнями... Все это вместе с актами изъятий доставлено в кладовые Губфинотдела. По определению оценщиков Губернского Финансового Отдела, все эти камни представляют крупную ценность, так как один бриллиантовый карат теперь оценивается в 200 миллионов рублей. Таким образом, изъятые ценности Ново-Девичьего монастыря стоят в общей сложности около ста миллиардов».

Мичурин стал знаменит...

В целом благодаря усилиям и сдержанности духовенства, изъятие ценностей из храмов Петрограда обошлось без трагедий. В кладовые губфинотдела было доставлено более 4 пудов золотых и 1024 пуда серебряных изделий, а также 3690 бриллиантов различной величины. Из них в фонд Гохрана передали свыше 3 пудов золота, 665 пудов серебра, 1028 бриллиантов и 367 других драгоценных камней.

1 июня 1922 года член президиума ЦК Помгола Винокуров в беседе с корреспондентом РОСТ А огласил предварительные результаты изъятия церковных ценностей.

В гохрановский фонд поступило: более 17 пудов золота и 11 415 пудов серебра, бриллиантов и алмазов — 13 581 штука весом в 1165 каратов, 3 835 жемчужин и 9 жемчужных ниток весом 2 пуда и 11 фунтов, других драгоценных камней — 31 282 штуки весом в 1 пуд 19 фунтов, монет по номинальной стоимости в рублях — 7116 серебром и 772 золотом, а также «много разных ценных предметов»

Суды над священнослужителями и верующими в свете правительственной кампании по изъятию церковных ценностей продолжались в России до весны 1923 года... За «открытый бунт» в Ейске к различным срокам тюремного заключения приговорили 18 священнослужителей и мирян. На конец 1922 года число жертв от судебных расправ по «церковным делам» перевалило за 6 тысяч человек.

Февральскими и мартовским декретами 1924 года Совнарком утвердил чеканку разменной серебряной монеты достоинством в 1 рубль, 50, 20, 15 и 10 копеек, окончательно прекратил эмиссию «совзнаков» и объявил их выкуп государством. В финотделы и банки потянулись мешочники и подводы — шутка ли, за 1 новую медную копейку — 500 миллионов рублей «совзнаками». Денежное же серебро Наркомфин повез чеканить в Англию, благо на торговом, поприще драгоценностями и «под проценты» большевики снискали себе «доверие» на западном рынке и в финансовых кругах.

На этом можно было бы закончить описание событий 1922 года, если бы не одно «но». По меркам большевиков, в церквях, соборах и монастырях надлежало собрать только одного серебра не менее полумиллиона пудов. Получили же гораздо меньше. Причем процесс реализации церковной утвари оказался более затяжным, чем ожидали в правительстве. И вот 6 июня 1922 года после постановления о роспуске на местах «троек» Особоуполномоченного Совнарком принимает новое решение: «для изъятия экспонатов высоко-материальной ценности **из музеев**, а также для решения вопросов о спорных вещах, изъятых из хранилищ музеев и сосредоточенных в Гохране, создается комиссия, решения которой безапелляционны».

О каких же музеях и экспонатах шла речь? Совнаркомовцы не мелочились и имели в виду исторические сокровища Эрмитажа, Российского Исторического, Русского и Румянцевского музеев, Оружейной палаты и Троице-Сергиевой лавры. И все на продажу за границу.

Решение Совнаркома повергло в шоковое состояние даже многих бывалых большевиков, не говоря уже о научной и творческой элите. Шквал возмущений обрушился на Луначарского. Вначале он в недоумении пожимал плечами: на заседании Совнаркома его не было.

С 1851 года в научной литературе с совершенной точностью установлено громадное культурное значение музеев. В этом году имела место Всемирная выставка в Лондоне,

и английская промышленность признала себя побежденною французской. Причиной поражения оказалась недостаточность образцов в Англии вследствие недостатка хорошо устроенных и широкодоступных музеев. С тех пор началось усиленное состязание культурных стран и городов в устройстве и развитии художественных музеев. Всем стало ясно, что музеи не только полезны и важны в культурном отношении, но и в высшей степени выгодны в отношении экономическом...

Как бы там ни было, Рыков отмахнулся от всех увещеваний и 9 августа 1922 года, пользуясь правами второго лица в Совнаркоме, подписал постановление о назначении комиссии по изъятию экспонатов высокоматериальной ценности из музеев в следующем составе: от Особуполномоченного СНК — его заместитель Г. Д. Базилевич, от Наркомфина и Гохрана — Ф. А. Вейс, от Наркомпроса и Главмузея — И. Э. Грабарь и его заместитель — директор Эрмитажа С. Н. Тройницкий.

В начале 1923 года Советская власть всерьез вспомнила о народных художественных промыслах: мастерах Хохломы, Мстеры, Дымковской слободы, Городца, вологодских и рязанских кружевницах и о других кустарях-умельцах. Ковши, матрешки, шкатулки, подносы, ложки, платки, шали, берестяные туеса... Мало ли таланта на Руси!

В конце концов летом 1923 года Последголу удалось одно маломальски существенное дело. Доктор Фрик, доверенное лицо Нансена, гарантировал выставку-продажу кустарных изделий в Париже, но при условии, что сам Нансен получит «всевозможные удобства и льготы» на вывоз из России художественных изделий для пополнения соответствующих собраний французских коллекционеров. О каких изделиях шла речь, должно быть понятно. К чести Нансена, никаких комиссионных за услугу он не просил и выручку от продажи поделок-кустарей обещал полностью передать Последголу. Ударили по рукам, и в Париж покатали ящики с затейливым рукоделием, расписными, резными и плетеными изделиями лучшего качества, а попутно и ящики с коллекционным товаром музейного значения.

На радостях Последгол закупил у Кустпрома промысловых поделок на сумму около 10 тысяч рублей золотом.

* * *

Одна из первых крупнейших выставок-продаж развернулась в Америке под патронатом «Комитета по организации заграничных выставок и артистических турне» при ВЦИКе. Открытие её состоялось 8 марта 1924 года в Нью-Йорке. Затем фонд выставки разделили на две части и одну из них отправили на юг США, а другую в Канаду.

Вояж в Америку готовил почти год специальный выставочный комитет в составе И. Э. Грабаря, книгоиздателя И. Д. Сытина, его ближайшего помощника и якобы идеолога самого мероприятия И. И. Трояновского, С. А. Виноградова, С. Т. Коненкова, К. А. Сомова и других не менее известных лиц. Для экспозиции и продажи отобрали более 900 произведений изобразительного искусства, которые были доставлены в Нью-Йорк Грабарем и Виноградовым. С американской стороны содействие в устройстве выставки оказывал, разумеется, за комиссионные проценты известный журналист и

общественный деятель Кристиан Бринтон, промышленявший на продаже живописных полотен русских художников с 1918 года.

Смотрины и продажа картин, рисунков, акварелей и скульптур в Монреале и Торонто продолжались до десятых чисел сентября, а на юге США до середины ноября 1925 года. Денежный доход от выставки оказался ничтожным. Потери же для русской культуры — огромны. Самая значительная из них — полотно с духовной живописью В. Д. Поленова из цикла «Жизнь Христа», написанного художником в 1896—1909 годах. В Нью-Йорк вывезли 13 картин, 11 — осталось за океаном. Большую часть — 6 полотен — приобрел коллекционер Чарльз Крэн, в том числе и любимую самим Поленовым картину «В саду у Гефсимании». В последующие годы стараниями Всероссийского общества культурных связей с заграницей (ВОКС) во главе с Каменевой и внешторговского «Антиквариата» будут проданы остальные 42 картины из духовной серии художника.

«Выставка русского искусства» 1924–1925 годов, несомненно, послужила укреплению торгового сотрудничества с Америкой. И там поняли, что иметь дело с Советами очень выгодно...

В 1928 году в Нью-Йорке открылся на паях первый магазин [братьев] Хаммеров по открытой продаже художественного товара из России... Одиннадцать пасхальных яиц приобрел Хаммер. Два из них были проданы им (братьям Хаммерам — А.Г.) на первых же торгах в Нью-Йорке всего за **900 долларов**.

Настоящее чудо мастеров Фаберже — яйцо с помещенным в нем заводным бриллиантовым лебедем — Хаммеры уступили королю Фаруку за **100 тысяч долларов**. В 70-х годах на торгах «Кристи» за изделие попроще была выплачена сумма уже в четыре раза выше. А рекордсменом среди собирателей императорских пасхальных подарков стал американец Мальком Форбс. За одиннадцатое «яйцо Фаберже» для собственной коллекции он выложил на аукционе «Сотби» в 1985 году 1 миллион 760 тысяч долларов.

В 1925 году прекратили чеканку серебряного рубля, а в 1928 году — и полтинника. «Свободное» серебро пустили на нужды Внешторга. В 1926 году был запрещен вывоз советских денежных знаков за границу, а в 1928 году — ввоз их из-за границы.

Вновь стала набирать темпы инфляция. С 1927 года цены на внутреннем рынке неудержимо поползли вверх, а спустя два года в стране ввели карточную систему снабжения продовольственными и промышленными товарами. И вновь единственным держателем настоящей валюты оказалось правительство, а долги народу отнесли на счет будущих завоеваний индустриализации, объявленной всеобщим трудовым фронтом. И снова мобилизация «рабсилы» в угаре политической истерии. И опять нещадные трудовые бои, замешанные на голом энтузиазме и страхе перед террором власти.

На основании постановления Совета Народных Комиссаров от 19 сентября 1923 года приступили к съему колоколов в отдельных закрытых церквях и монастырях. Как было

объявлено — за ненадобностью. Растащили те колокола по заводам — и в промышленную переработку...

По данным Гидулянова, общий вес колоколов по стране к 1929 году составлял около 2 миллионов пудов, из которых свыше 112 тысяч пудов приходилось на Московскую епархию, 82 тысячи — на Ленинградскую, 55 тысяч — на Тверскую, столько же — на Нижегородскую, по 48 тысяч — на Ярославскую и Тамбовскую. Подсчитано было все, включая колокола православных храмов Украины, Белоруссии, Грузии и Туркестана.

В своей книге «Колокола на службе магии и царизма» упомянутый профессор высказал следующее соображение: «Волховстрою и Днепрострою нужны материалы для электролитической работы. Мы без труда получим собственную химически чистую красную медь (на электрификацию, производство тракторов и т. д.). При обработке колокольного сплава электролитическим путем СССР приобретет значительное количество металлов, входящих в состав колокольной бронзы: олова и цинка, являющихся у нас дефицитом еще с первых месяцев империалистической войны».

Вот рекомендации секретаря постоянной Антирелигиозной комиссии при Президиуме ВЦИКа Е. А. Тучкова, известного затейника почти всех тайных антицерковных операций ВЧК — ОГПУ, в консультативном письме НКВД были более категоричны:

«Колокольный звон, производимый на всю данную округу церковниками, резким образом противоречит принципу отделения церкви от государства, ибо по бытовым условиям и правам широких безрелигиозных масс, особенно города, он мешает труду и использованию трудящимся населением его отдыха...»

В 1932 году грянул очередной голод. Но что изменилось в отношении Советской власти к народу и к собственным грандиозным замыслам «великого» завтра? Практически ничего. За три голодных года жертвы мора достигнут около 7 миллионов человек. Масштабы постигшего бедствия замалчивались, а в оправдание социально-экономических преступлений государственной власти открыли «охоту на ведьм»: «шпионов», «диверсантов», «вредителей» и «саботажников».

В марте 1933 года за «использование служебного положения для создания голода в стране» по решению коллегии ОГПУ были расстреляны 35 руководящих работников Наркомзема СССР. Но есть и такие факты. К осени 1931 года в исправительно-трудовые лагеря НКВД и в отдаленные спецпоселения было выслано 265 тысяч из 320 тысяч «раскулаченных» крестьянских семей. Конфискованное имущество у этих людей оценили в 400 миллионов рублей, так сказать, для экономического обоснования политической «победы».

Вообще к денежному счету сталинский аппарат испытывал подлинно патологическую страсть. Еще бы не так, если к 1932 году внешнеторговый баланс составил пассив почти в полмиллиарда долларов, а запросам на индустриализацию и возведение опор социализма не было видно конца. По-прежнему в надежде покрытия торгового дефицита процветал экспорт культурных и исторических ценностей. На фоне бытовой нищеты горожан блистали роскошные витрины магазинов и салонов Торгсина. Все так же по запасникам музеев, господсобкам, особнякам, квартирам и библиотекам

рыскали ищайки «Антиквариата». Разорялось и вывозилось церковное добро. Прикрываясь святой заботой о подрастающем поколении, Деткомиссия ВЦИКа бойко торговала произведениями искусства на традиционных аукционах.

Пределов дозволенности не существовало. На откуп наркома внешней торговли А. И. Микояна был отдан ленинградский Эрмитаж. В начале 30-х годов сотни бесценных шедевров западноевропейской живописи по решению Микояна и директора «Антиквариата» Н. Ильина были проданы заграничным торговым миссионерам, в том числе 14 полотен Рембрандта, 11 картин Ван Дейка, 4 картины Рубенса, «Святой Георгий» и «Мадонна Альба» Рафаэля Санти, полотна Боттичелли, Перуджино, Хальса, Тициана, Ватто, Шардена и других. И только за картины Рафаэля, «Поклонение волхвов» Боттичелли и «Венеру перед зеркалом» Тициана были получены более-менее приличные суммы — по несколько сотен тысяч долларов. Остальные картины распродали по дешевке. Например, сумма, вырученная от продажи рембрандтовского «Христа, исцеляющего больного», едва дотягивала до 3 тысяч долларов.

Из запасников и залов Эрмитажа извлекались художественное серебро, бронза, нумизматические редкости и рыцарские доспехи.

Хранившаяся в эрмитажных подвалах коллекция византийских эмалей М. П. Боткина была безжалостно распродана Тройницким. Из нее 11 эмалей попали в руки американского банкира О. Кана, а затем составили гордость экспозиции нью-йоркского Метрополитен-музеума. Эмали из этого же собрания оказались и в музеях Кливленда и Думбартон Окса под Вашингтоном.

Такая же участь постигла коллекцию нидерландской и фламандской живописи (свыше 700 произведений) великого русского ученого-географа и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, подаренную им Эрмитажу. В его запасниках осталось от собрания всего лишь три десятка картин.

Не счесть потерь из фондов бывшего музейного собрания училища технического рисования барона Штиглица, переданных частично для пополнения разоренных коллекций Эрмитажа.

К Парижской международной выставке 1937 года по заказу Сталина из отечественных самоцветов мозаичным способом была изготовлена карта Советского Союза площадью около 25 квадратных метров. Карту обрамляла рамка из газганского мрамора, красным родонитом были показаны границы страны, светло-зеленым амазонитом — низменности, красно-бурой орской яшмой — возвышенности и горы, голубыми аквамаринами и топазами — Северный морской путь и дрейф станции «Северный полюс». Тысячами самоцветов обозначили стройки индустриализации и промышленные предприятия. Названия столиц союзных республик и крупных городов выложили изумрудами, а 16 рубиновых звезд венчали местонахождения союзных столиц. Без малого год сотни людей делали эту карту. Было огранено и подготовлено около 4000 рубинов, изумрудов, топазов, аметистов, аквамарин и других самоцветов, в том числе содранных с окладов и риз икон, церковных украшений и утвари. Благо в 1935 году после переоценки церковных ценностей и ревизии уцелевших церквей Наркомфином государственные запасы пополнились новыми поступлениями.

«Умение воплотить в камень определенную идею, связать художественную мысль с задачами предмета или изделия — все это имеет громадное значение для психологии человека, его настроения, самочувствия, работоспособности, — скажет академик Ферсман. — Нас интересует не материальная ценность камня, а то художественное впечатление, которое мы получили от него и которое мы должны научиться ценить».

Что же, коли так, то карта весьма впечатлительна, мы сказали бы даже — поразительна. Куда там мастерам Фаберже с их моделью матушки-Волги, сработанной из золота, платины, серебра, бриллиантов и преподнесенной руками Хаммера президенту Рузвельту. Только вот бриллиантов на карте не хватало.

*

Начиная с 1944 года Сталин попытался по-своему компенсировать ущерб культуре народа, нанесенный Советской властью и немецко-фашистскими захватчиками. Из стран Восточной Европы потянулись в СССР эшелоны с художественными сокровищами и драгоценностями, российскими и чужими. Но это уже отдельное печальное повествование из истории Советского государства.